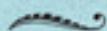

КАРЛО КОЛЛОДИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПИНОККИО

Иллюстрации
Роберта Ингпена

Карло Коллоди
Приключения Пиноккио

«Азбука-Аттикус»

1880

Коллоди К.

Приключения Пиноккио / К. Коллоди — «Азбука-Аттикус»,
1880

Сказка итальянского писателя Карло Коллоди «Приключения Пиноккио. История Деревянного Человечка» впервые увидела свет в 1881 году: её напечатала римская «Газета для детей». В России сказка вышла в 1906 году и сразу же стала одним из самых любимых детских произведений. Иначе и быть не могло – приключения смешного, несносного, упрямого, находчивого и остроумного деревянного мальчишки Пиноккио вряд ли кого оставят равнодушным. Книга переведена на десятки языков.

Содержание

Юным и взрослым читателям «Пиноккио»	6
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Карло Коллоди

Приключения Пиноккио

Carlo Collodi

LE AVVENTURE DI PINOCCHIO. STORIA DI UN BURATTINO

© Казакевич Э.Г., наследники, предисловие, перевод на русский язык, 2014

© Illustrations copyright (2014) Robert Ingpen

Created by Palazzo Editions LTD, Bath, United Kingdom

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014
Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Юным и взрослым читателям «Пиноккио»

Эта книга – одна из самых смешных и самых трогательных книг мировой литературы. Её родина – Италия. Автор её, Карло Лоренцини, избравший себе псевдоним Коллоди – в честь маленького городка, откуда была родом его мать, – родился в 1826 году во Флоренции, в семье повара. В 1848 году он вступил добровольцем в ряды бойцов за национальное освобождение Италии. В это же время началась его литературная деятельность. Это был человек большой души, умный и добрый, ласковый друг итальянских детей <...> один из наиболее любимых писателей Италии. Он умер в 1890 году.

Книгу о злосчастном Пиноккио, деревянной длинноносой кукле, знают во всех странах, где есть дети.

То, что образ Пиноккио возник именно в Италии, вполне естественно. Италия – родина кукольного театра и театра масок, отчизна Арлекина и Коломбины, Панталоне и Бригеллы, Розауры и Пульчинеллы¹. Италия – родина знаменитых авторов комедий Карло Гоцци и Карло Гольдони <...> Джованни Боккаччо и Пьетро Аретино. Маски итальянского кукольного театра уходят корнями в богатейшую культурную почву Рима и Италии, они зародились в театре Теренция и Плавта, великих комедиографов древности. Они расцвели в атмосфере быющей ключом жизни и борьбы многострадального и весёлого итальянского <...> народа, подлинного

¹ Арлекин, Коломбина, Панталоне, Бригелла, Розаура и Пульчинелла – традиционные персонажи итальянской комедии масок.

созидателя вечно прекрасной Италии, которую мы <...> так сердечно любим и так высоко чтим.

Книга Коллоди завоевала популярность, равную популярности детских изданий бессмертных книг «Дон Кихот» и «Гулливер». У нас <...> она стала общеизвестной в вольном переложении Алексея Толстого. Кто читал его книжку «Золотой ключик», пусть прочтёт «Пиноккио». Знающий копию да познакомится с оригиналом. Впрочем, А. Толстой только отталкивался от Коллоди, «Пиноккио» был как бы только поводом для «Золотого ключика». Это две разные книги. «Буратино» Коллоди, по сути дела, ничем не похож на «буратино» Толстого, разве что длинным носом да ещё обстоятельствами рождения, унаследованными вторым от первого.

Что верно, то верно – у старика Коллоди нам иногда кое-что покажется несколько старомодно-чувствительным, кое-что высокопарным и слишком откровенно нравоучительным. Что ж, такова дурная привычка некоторых классиков – писать прекрасно, но не вполне правильно. У иных нередко другая, не менее неприятная повадка – писать вполне правильно, но не прекрасно.

«Приключения Пиноккио» – книга, полная обаяния, оптимизма и необыкновенно нежной любви к <...> человеку. Налёт сентиментальности, типичный для многих книг XIX века, не коробит нас в этой повести, ибо он сочетается с таким юным, бурным, крепким <...> простонародным итальянским юмором, с таким задорным, бьющим через край воображением, с таким глубоким и грустным знанием человеческих слабостей и наряду с этим – с такой могучей уверенностью в победе добра над злом <...>.

Да, взрослые тоже прочитают эту книгу с удовольствием, со смехом и подчас – с грустной улыбкой. Ибо обаяние этой фантастической книжки заключается прежде всего в реализме обрисовки человеческих характеров. Думаю, что читатели, старые и малые, не преминут заметить, что им очень знакомы по личному опыту многие из черт характера, свойственных этому несносному, доброму, буйному, чувствительному, остроумному, тупому, глупому как пробка, упрямому как осёл, плаксивому и смешливому, эгоистичному и великодушному Пиноккио!

А многие маленькие читатели, вероятно, задумаются над жизненным опытом деревянной куклы и над тем, какими путями из вздорного буратино получился настоящий человек.

<...>

Недалеко от города Пистойи, в маленьком городке Коллоди, стоит редкостное изваяние – памятник литературному герою, деревянному мальчику по имени Пиноккио. <...> На памятнике высечена надпись, которая звучит примерно так: «Бессмертному Пиноккио – благодарные читатели в возрасте от четырёх до семидесяти лет».

Думаю, что и русские читатели того же возраста разделят с итальянскими эту благодарность потешному деревянному мальчику и его мудрому создателю.

Эм. Казакевич

Глава 1

Как мастеру Вишне попался кусок дерева, который плакал и смеялся, как ребёнок

* * *

Жил-был...

«Король!» – немедленно воскликнут мои маленькие читатели.

Нет, дети, вы не угадали. Жил-был кусок дерева.

То было не какое-нибудь благородное дерево, а самое обыкновенное полено, из тех, которыми в зимнюю пору топят печи и камины, чтобы обогреть комнату.

Не знаю уж, какими путями, но в один прекрасный день этот кусок дерева оказался в мастерской старого столяра. Старика звали мастер Антонио, но весь свет именовал его «мастер Вишня», так как кончик его носа был подобен спелой вишне – вечно блестящий и сизо-красный.

Мастер Вишня страшно обрадовался, обнаружив полено, и, весело потирая руки, пробормотал:

– Этот кусок дерева попался мне довольно кстати. Смастерю-ка я из него ножку для стола.

Сказано – сделано. Не мешкая он взял острый топор, чтобы очистить кору и придать дереву форму ножки. Но не успел он занести топор, как рука его так и повисла в воздухе – из полена послышался тонкий, умоляющий голосок:

– Не бейте меня!

Можете себе представить, какое сделалось лицо у доброго старого мастера Вишни.

Изумлённый в высшей степени, он начал водить глазами по мастерской, чтобы узнать, откуда взялся этот голосок. Но в комнате никого не было. Он заглянул под верстак – никого. Посмотрел в шкаф, который обычно держал запертым, – никого. Сунул голову в корзину с опилками и стружками – никого. Наконец открыл ставню и поглядел на улицу – тоже никого. Может быть...

– Я всё понял, – захихикал он и почесал под париком. – Голосок мне просто померещился. Значит, снова за работу!

И он опять взялся за топор и нанёс превосходнейший удар по деревяшке.

– Ой, ты мне сделал больно! – завопил знакомый голосок.

Для мастера Вишни это было уже слишком. Глаза у него от страха полезли на лоб, рот раскрылся, язык свесился до подбородка, так что старик стал похож на одну из тех удивительных статуй, какими в старину украшали фонтаны.

Снова обретя дар речи, он начал рассуждать вслух, хотя ещё заикался от страха:

– Кто же всё-таки крикнул «ой»? Здесь ведь нет ни живой души. Может ли быть, чтобы кусок дерева плакал и вопил, как ребёнок? Нет, никогда не поверю! Это же самое обыкновенное полено, как две капли воды похожее на все другие поленья. Если бросить его в огонь, можно прекрасно сварить на нём добрый горшок бобов. А если... кто-нибудь влез в полено, а? Что ж, тем хуже для него. Сейчас я ему покажу!

С этими словами он схватил несчастное полено обеими руками и начал безжалостно бить его об стену мастерской.

Затем он прислушался – не раздастся ли снова стон или вопль. Он ждал две минуты – ни звука; он ждал пять минут – ни звука; десять минут – ни звука.

– Я понял, – сказал он наконец, сконфуженно ухмыльнулся и взъерошил свой парик. – Голосок, крикнувший «ой», мне действительно только померещился. Значит, снова за работу!

А так как его испуг ещё не совсем прошёл, он, дабы не потерять бодрости духа, начал негромко напевать, как делал это обычно.

Отложив топор в сторону, он взял рубанок, чтобы гладко обстругать полено. Но только он начал водить рубанком взад-вперёд по дереву, как снова услышал тот же голосок, который, захлёбываясь от смеха, выговорил:

– Ах, перестань, пожалуйста! Ты щекочешь меня по всему телу!

На этот раз мастер Вишня свалился как громом поражённый. Когда он позже пришёл в себя, то увидел, что всё ещё валяется на полу.

Лицо у него было перекошено, а сизо-красный кончик носа теперь от страха стал тёмно-синим.

Глава 2

Мастер Вишня дарит кусок дерева своему другу Джеppetто, который хочет вырезать из него чудеснейшего деревянного человечка, способного плясать и фехтовать, а также кувыркатся в воздухе

* * *

В это мгновение раздался стук в дверь.

– Войдите, – с трудом выговорил столяр, но встать на ноги не смог.

В мастерскую вошёл старый, но ещё бодрый человек, по имени Джеppetто. Дети из соседних домов, желая подразнить его, придумали ему прозвище «Кукурузная Лепёшка» – его жёлтый парик выглядел точнёхонько, как кукурузная лепёшка.

Джеppetто был очень вспыльчивый старичок. Горе тому, кто назовёт его Кукурузной Лепёшкой! Он сразу приходил в такое бешенство, что никакая сила не могла его укротить.

– Добрый день, мастер Антонио, – сказал Джеppetто. – Что вы подельваете на полу?

– Преподаю муравьям таблицу умножения.

– В добрый час!

– Что привело вас ко мне, дядюшка Джеppetто?

– Ноги!.. Знайте, мастер Антонио: я пришёл сюда, чтобы просить вас об одном одолжении.

– С превеликим удовольствием, – ответил столяр и приподнялся с пола.

– Сегодня утром мне пришла в голову одна идея.

– Слушаю вас.

– Я подумал, что неплохо было бы вырезать такого отменного деревянного человечка. Но это должен быть удивительный деревянный человечек: способный плясать, фехтовать и кувыркатся в воздухе. С этим деревянным человечком я пошёл бы по белу свету и зарабатывал бы себе на кусок хлеба и стаканчик винца. Что вы на это скажете?

– Bravo, Кукурузная Лепёшка! – воскликнул тот самый голосок, который доносился неведь откуда.

Когда дядюшка Джеppetто услышал, что его обозвали Кукурузной Лепёшкой, он от гнева побагровел, как перец, и яростно закричал на столяра:

– Как вы смеете меня оскорблять?

– Кто вас оскорбляет?

– Вы сказали мне «Кукурузная Лепёшка»!

– Это не я сказал.

– Так кто же, я сам? Я заявляю, что это сказали вы!

– Нет!

– Да!

– Нет!

– Да!

Они горячились всё больше, затем от слов перешли к делу, схватились, стали кусаться и царапаться.

Когда бой окончился, жёлтый парик Джеppetто был в руках мастера Антонио, а седой парик столяра – в зубах у Джеppetто.

– Отдай мне мой парик! – закричал мастер Антонио.

– А ты отдай мне мой, и мы заключим мир.

После того как старички обменялись париками, они пожали друг другу руки и поклялись быть добрыми друзьями на всю жизнь.

– Итак, дядюшка Джеppetто, – сказал столяр в знак примирения, – какую услугу я могу вам оказать?

– Не дадите ли вы мне дерева, чтобы я мог сделать деревянного человечка?

Мастер Антонио поспешно и не без удовольствия бросился к верстаку и достал тот самый кусок дерева, который нагнал на него такого страха. Но когда он передавал полено своему другу, оно сильно рванулось, выскользнуло у него из рук и свалилось прямо на тощие ноги бедного Джеppetто.

– Ох! Как вежливо вы преподносите людям свои подарки, мастер Антонио! Вы меня, кажется, сделали калекой на всю жизнь.

– Клянусь вам, это не я!

– Значит, я?

– Виновато это дерево.

– Это я и сам знаю, но ведь вы уронили мне его на ноги.

– Я не ронял!

– Обманщик!

- Джеppetто, не оскорбляйте меня, иначе я назову вас Кукурузной Лепёшкой!
- Осёл!
- Кукурузная Лепёшка!
- Корова!
- Кукурузная Лепёшка!
- Глупая обезьяна!
- Кукурузная Лепёшка!

Когда Джеppetто в третий раз услышал, что его обозвали Кукурузной Лепёшкой, он потерял последние крохи разума, бросился на столяра, и оба начали снова тузить друг друга.

После потасовки нос мастера Антонио имел на две царапины больше, а куртка его друга – на две пуговицы меньше.

Когда они таким образом свели свои счёты, оба опять пожали друг другу руки и поклялись быть добрыми друзьями на всю жизнь.

Затем Джеppetто взял шальное полено под мышку и, прихрамывая, отправился домой.

Глава 3

Джеппетто, вернувшись домой, сразу же начинает вырезать деревянного человечка и даёт ему имя «Пиноккио». Первые шаги Деревянного Человечка

* * *

Всё жилище Джеппетто состояло из маленькой подвальной каморки; её единственное окно выходило под лестницу. Обстановка не могла быть скромнее: шатающийся стул, прохудившаяся кровать и старый колченогий стол. У стены виднелся крохотный камин, в котором горел огонь. Но огонь был нарисованный, висевший над ним котелок – тоже нарисованный; он весело кипел и выпускал целое облако пара, и всё было в точности как настоящее.

Как только Джеппетто пришёл домой, он без промедления взял свой инструмент и начал вырезать деревянного человечка.

«Какое имя я дам ему? – задумался Джеппетто. – Назову-ка его Пиноккио. Это имя принесёт ему счастье. Когда-то я знал целую семью Пинокки: отца звали Пиноккио, мать – Пиноккия, детей – Пинокки, и все чувствовали себя отлично. Самый богатый из них кормился подаванием».

Найдя имя для своего деревянного человечка, он стал прилежно работать. Сначала он сделал ему волосы, потом лоб и наконец глаза.

Когда глаза были готовы, он заметил – представьте себе его удивление! – что они моргают и в упор глядят на него. Уловив пристальный взгляд деревянных глаз, Джеппетто почувствовал себя не в своей тарелке и сказал с досадой:

– Глупые деревянные глаза, чего вы на меня вытаращились?

Но никто ему не ответил.

Покончив с глазами, он сделал нос. Как только нос был готов, он начал расти и рос и рос, пока за несколько минут не стал таким носищем, что просто конца-краю ему не было.

Бедный Джеппетто старался укоротить его, но чем больше он его обрезал, отрезал и вырезал, тем длиннее становился нахальный нос.

Оставив нос в покое, он принялся за рот.

Рот был ещё не вполне готов, а уже начал смеяться и корчить насмешливые рожи.

– Перестань смеяться! – сказал Джеппетто раздражённо.

Но с таким же успехом он мог обратиться к стене.

– Я ещё раз тебе говорю, перестань смеяться! – вскричал Джеппетто сердито.

Рот сразу же перестал смеяться, зато высунул длиннющий язык.

Джеппетто, не желая портить себе настроение, перестал обращать внимание на все эти странности и продолжал работать. Вслед за ртом он сделал подбородок, затем шею, плечи, туловище и руки.

Как только руки были закончены, Джеппетто сразу же почувствовал, что кто-то стянул у него с головы парик. Он взглянул вверх и что же увидел? Деревянный Человечек держал его жёлтый парик в руках.

– Пиноккио! Ты немедленно вернёшь мне мой парик, или...

Вместо того чтобы вернуть парик старику, Пиноккио напялил его себе на голову, причём чуть не задохнулся под ним.

Бесстыдное и наглое поведение Пиноккио навело на Джеппетто такую грусть, какой он не испытывал за всю свою жизнь, и он сказал:

– Ты, безобразник, ты ещё не совсем готов, а уже проявляешь неуважение к своему отцу. Худо, дитя моё, очень худо!

И он вытер слезу.

Теперь следовало вырезать ещё ноги. И лишь только Джеppetто сделал их, как тотчас же получил пинок по носу.

«Я сам во всём виноват, – вздохнул он про себя. – Надо было раньше всё предвидеть, теперь уже слишком поздно».

Затем он взял Деревянного Человечка под мышки и поставил его на землю, чтобы Пиноккио научился ходить.

Но у Пиноккио были ещё совсем негнущиеся, неуклюжие ноги, и он еле двигался. Тогда Джеppetто взял его за руку и стал учить, как надо переступать ногами.

Ноги постепенно расходились. Пиноккио начал двигаться свободнее и через несколько минут уже самостоятельно ходил по комнате. В конце концов он переступил порог, выскочил на середину улицы – и поминай как звали.

Бедный Джеppetто побежал следом, но не мог его догнать: этот плут Пиноккио делал прыжки не хуже зайца и так стучал при этом своими деревянными ногами по торцовой мостовой, как двадцать пар крестьянских деревянных башмаков.

– Держи его! Держи! – кричал Джеppetто.

Однако прохожие при виде Деревянного Человечка, бегущего, как гончая собака, замирали, глазели на него и хохотали, так хохотали, что невозможно описать.

К счастью, появился полицейский. Он подумал, что не иначе как жеребёнок убежал от своего хозяина. И он встал, мужественный и коренастый, посреди улицы, твёрдо решившись схватить лошадку и не допустить до беды.

Пиноккио уже издали заметил, что полицейский преградил ему путь, и хотел проскользнуть у него между ног. Но его постигла плачевная неудача.

Полицейский ловким движением ухватил Пиноккио за нос (а это был, как известно, необыкновенно длинный нос, будто для того только и созданный, чтобы полицейские за него хватались) и передал его в руки Джеппетто. Старику не терпелось тут же на месте надрать Пиноккио уши в наказание за бегство. Но представьте себе его изумление – он не мог обнаружить ни одного уха! Как вы думаете, почему? Да потому, что, увлечшись работой, он позабыл сделать Деревянному Человечку уши.

Пришлось взять Пиноккио за шиворот и таким порядком повести его обратно домой. При этом Джеппетто твердил, угрожающе покачивая головой:

– Сейчас мы пойдём домой. А когда мы будем дома, я с тобой рассчитаюсь, будь уверен!

Услышав эту угрозу, Пиноккио лёг на землю и ни с места. Подошли любопытные и бездельники, и вскоре собралась целая толпа.

Все говорили разное.

– Бедный Деревянный Человечек, – сочувствовали одни. – Он совершенно прав, что не хочет идти домой. Этот злодей Джеппетто задаст ему перцу.

Другие, полные злобы, твердили:

– Этот Джеппетто, хоть и выглядит порядочным человеком, на самом деле груб и безжалостен к детям. Если мы отдадим ему бедного Деревянного Человечка, он его на куски изломает.

И они болтали и подзуживали друг друга до тех пор, пока полицейский не освободил Пиноккио, а вместо него арестовал бедного Джеппетто. От неожиданности старик не сумел найти ни слова себе в оправдание, только заплакал и по дороге в тюрьму всхлипывал, приговаривая:

– Неблагодарный мальчишка! А я-то старался сделать из тебя приличного Деревянного Человечка! Но так мне и надо. Следовало раньше всё предвидеть!

То, что случилось потом, – совершенно невероятная история, которую я изложу вам в последующих главах.

Глава 4

История Пиноккио и Говорящего Сверчка, из которой видно, что злые дети не любят, когда им делает замечание кто-нибудь, знающий больше, чем они сами

* * *

Итак, дети, скажу вам, что, в то время как Джепетто был безвинно заключён в тюрьму, наглый мальчишка Пиноккио, избежав когтей полицейского, пустился напрямик через поле домой. Он прыгал через холмы, густой терновник и канавы с водой, словно затравленный загонщиками дикий козёл или заяц. Дома он распахнул незапертую дверь, вошёл, задвинул за собой щеколду и плюхнулся на пол с глубоким вздохом облегчения.

Но он недолго наслаждался спокойствием – вдруг ему послышалось, что в комнате кто-то пропищал:

– Кри-кри-кри...

– Кто меня зовёт? – в ужасе спросил Пиноккио.

– Это я!

Пиноккио обернулся и увидел большого Сверчка, который медленно полз вверх по стене.

– Скажи мне, Сверчок, кто ты такой?

– Я Говорящий Сверчок и живу уже больше ста лет в этой комнате.

– Теперь это моя комната, – сказал Деревянный Человечек. – Будь любезен, отправляйся вон отсюда, желательно без оглядки!

– Я не уйду, – возразил Сверчок, – прежде чем не скажу тебе великую правду.

– Говори великую правду, только поскорее.

– Горе детям, которые восстают против своих родителей и покидают по неразумию своему отчий дом! Плохо им будет на свете, и они рано или поздно горько пожалеют об этом.

– Верещи, верещи, Сверчок, если тебе это интересно! Я, во всяком случае, знаю, что уже завтра на рассвете меня тут не будет. Если я останусь, мне придётся жить так же скучно, как всем другим детям: меня пошлют в школу, заставят учиться, хочу я этого или не хочу. А между нами говоря, у меня нет ни малейшего желания учиться. Гораздо приятнее бегать за мотыльками, лазать на деревья и воровать из гнёзд птенцов.

– Бедный глупыш! Разве ты не понимаешь, что таким образом ты превратишься в настоящего осла и никто тебя ни в грош не будет ставить?

– Заткни глотку, старый зловещий Сверчок! – не на шутку рассердился Пиноккио. Но Сверчок, преисполненный терпения и мудрости, не обиделся и продолжал:

– А если тебе не по нраву ходить в школу, то почему бы тебе не научиться какому-нибудь ремеслу и честно зарабатывать свой хлеб?

– Сказать тебе, почему? – ответил Пиноккио, понемногу теряя терпение. – Потому что из всех ремёсел на свете только одно мне действительно по душе.

– И что же это за ремесло?

– Есть, пить, спать, наслаждаться и с утра до вечера бродяжничать.

– Заметь себе, – сказал Говорящий Сверчок со свойственным ему спокойствием, – что все занимающиеся этим ремеслом всегда кончают жизнь в больнице или в тюрьме.

– Полегче, старый зловещий Сверчок. Если я рассержусь, тебе худо будет!

– Бедный Пиноккио, мне тебя вправду очень жаль!

– Почему тебе меня жаль?

– Потому что ты Деревянный Человечек и, хуже того, у тебя деревянная голова!

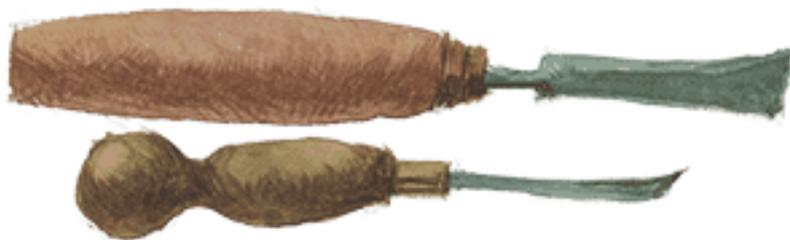
При последних словах Пиноккио вскочил, разъярённый, схватил с лавки деревянный молоток и швырнул его в Говорящего Сверчка.

Возможно, он не думал, что попадёт в цель, но, к несчастью, попал Сверчку прямо в голову, и бедный Сверчок, успев только произнести напоследок «кри-кри-кри», остался висеть на стенке мёртвым.

Глава 5

Пиноккио чувствует голод и, найдя яйцо, хочет изжарить себе яичницу. Но в самое прекрасное мгновение яичница улетает в окно

* * *

Между тем наступила ночь, и Пиноккио, вспомнив, что ничего не ел, ощутил в желудке некое шевуршение, весьма похожее на аппетит.

Но у детей аппетит растёт со страшной быстротой, и вот за несколько минут он превратился в голод, а голод в одно мгновение превратился в волчий голод, такой сильный, что его, право же, можно было пощупать руками.

Бедный Пиноккио стремительно бросился к камину, где кипел горшок, и хотел снять крышку, чтобы увидеть, что там варится. Но горшок был нарисован на стене. Представьте себе, каково это показалось Пиноккио! Его и без того длинный нос вытянулся по крайней мере ещё на четыре пальца.

Он обежал всю комнату, обыскал все ящики и углы в надежде найти хлеба, хотя бы кусочек чёрствого хлеба, хотя бы хлебную корочку или обглоданную собачью кость, кусочек заплесневелой кукурузной лепёшки, рыбью кость, вишнёвую косточку, – короче говоря, хоть что-нибудь, что можно запихать себе в рот. Но не нашёл ничего, ну просто ничегошеньки.

А голод всё рос, и рос, и рос, и Пиноккио не мог ничем облегчить свои страдания, кроме как зевотой. И он начал зевать так отчаянно, что его рот раздирало до ушей.

Наконец он совсем потерял мужество и, плача, сказал:

– Говорящий Сверчок был прав. Некрасиво с моей стороны огорчать отца и убежать из дому... Если бы мой отец был дома, я не зевал бы тут до смерти. Ах, какая ужасная болезнь – голод!

Вдруг он заметил в куче мусора что-то такое кругленькое и беленькое, похожее на куриное яйцо. В мгновение ока он очутился там и схватил этот предмет. Действительно, то было яйцо.

Радость Деревянного Человечка невозможно описать. Пиноккио казалось, что он грезит. Он вертел и крутил яйцо в руках, гладил, целовал его и приговаривал:

– А как мне тебя приготовить? Я испеку тебя. Нет, лучше сварю всмятку. А не лучше ли изжарить тебя на сковородке? Или, может быть, всё-таки сварить наскоро, чтобы можно было выпить? Нет, быстрее всего – разбить в тарелку или сковородку. Я весь горю, так мне хочется скорее сожрать тебя!

Он поставил сковородку на жаровню с горящими углями, вместо масла налил немножко воды, а когда вода превратилась в пар, – трах! – разбил скорлупу и опрокинул яйцо на сковородку.

Но вместо белка и желтка из яйца выскочил живёхонький и весьма учтивый цыплёнок. Он сделал изящный поклон и сказал:

– Тысячу благодарностей, синьор Пиноккио! Вы избавили меня от труда разбивать скорлупу. До свидания, пламенный привет!

Сказав это, он расправил крылышки, вылетел через открытое окно и исчез.

Бедный Деревянный Человечек так и окаменел на месте с разинутым ртом и вытаращенными глазами, держа яичную скорлупу в руке. Когда прошёл первый испуг, он начал хныкать и плакать, топая в отчаянии ногами и говорить сквозь слёзы:

– Говорящий Сверчок был прав. Если бы я не убежал из дому и если бы мой отец был теперь здесь, мне не пришлось бы умирать с голоду. Ах, какая поистине страшная болезнь – голод!

И так как в его желудке урчало всё громче и он не знал, как смягчить свои страдания, он решил уйти из дому и бежать в ближайшую деревню, где какая-нибудь сострадательная душа, может быть, подаст ему кусок хлеба.

Глава 6

Пиноккио засыпает, положив ноги на жаровню с углями, и утром просыпается без ног

* * *

На дворе была ужасная зимняя ночь. Гром оглушительно гремел, молнии догоняли одна другую, всё небо было охвачено огнём. Холодный, порывистый ветер свирепо завывал, вздымая огромные облака пыли и заставляя деревья на полях плакать и стонать.

Пиноккио очень боялся грома и молнии, но голод был сильнее страха. Он прикрыл за собой дверь, взял подходящий разгон и за каких-нибудь сто прыжков очутился в деревне, правда, при этом он тяжело дышал и высунул язык, как добрая охотничья собака.

Деревня лежала тёмная и покинутая. Лавки были закрыты, двери домов закрыты, окна закрыты. На улицах не было даже собаки. Всё выглядело вымершим.

Пиноккио, голодный и отчаявшийся, подошёл к одному дому, потянул за дверной колокольчик и позвонил, думая про себя: «Авось кто-нибудь да выглянет».

Действительно, в окне показался старик в ночном колпаке. Он сердито крикнул:

– Что вам тут нужно в такую пору?

– Будьте так добры, подайте мне кусок хлеба.

– Подожди меня, я сейчас вернусь, – сказал старик.

Он решил, что имеет дело с одним из тех забубённых бродяг, которые забавы ради ночью звонят в квартиры и отрывают честных людей от спокойного сна.

Через полминуты окно снова открылось, и старик крикнул:

– Становись под окно и подставь свою шляпу!

Пиноккио незамедлительно снял свой колпак. И тут на него обрушился поток воды, который промочил его насквозь от головы до пят, как горшок с засохшей геранью.

Мокрый, словно его только что вытащили из водосточной трубы, вернулся он домой еле живой от усталости и холода. Он сел и протянул свои продрогшие и грязные ноги над жаровней с раскалёнными углями.

Так он уснул. И во сне его деревянные ноги загорелись, обуглились и, наконец, превратились в золу.

А Пиноккио спал и храпел так, словно это были не его ноги, а чужие. Когда рассвело, он проснулся: кто-то стучал в дверь.

– Кто там? – спросил он, зевая, и начал продира́ть глаза.

– Я, – ответил голос.

Это был голос Джеppetто.

Глава 7

Джеппетто возвращается домой. Бедняга отдаёт Пиноккио всё, что принёс себе на завтрак

* * *

Несчастный Пиноккио ещё не совсем проснулся и поэтому не заметил, что его ноги сгорели. Услышав голос отца, он без раздумий соскочил с кресла, чтобы отодвинуть дверной засов. Но после двух-трёх нетвёрдых шагов упал с размаху на пол. И при падении произвёл такой грохот, словно мешок с деревянными ложками, упавший с пятого этажа.

- Отвори! – крикнул Джеппетто с улицы.
- Отец, я не могу, – ответил, плача, Деревянный Человечек и стал кататься по полу.
- Почему не можешь?
- Потому что кто-то сожрал мои ноги.
- А кто их сожрал?
- Кошка, – сказал Пиноккио.

Он как раз в эту минуту заметил, что кошка передними лапками тербит две стружки.

- Открой, говорю тебе, – повторил Джеппетто, – а не то, как войду, покажу тебе кошку!
- Но я вправду не могу стоять, поверьте мне. Ах, я несчастный, несчастный! Теперь я буду всю жизнь ползать на коленках!

Джеппетто, предположив, что все эти вопли не более как очередная проделка Деревянного Человечка, решил положить ей конец, влез на стену и проник в комнату через окно.

Он приготовился было, не откладывая в долгий ящик, проучить наглеца, но, когда увидел своего Пиноккио распростёртого на полу и действительно безногого, жалость охватила его. Он взял Пиноккио на руки и обнял его и облобызал тысячу раз. По его щекам в это время катились крупные слёзы, и он сказал, всхлипывая:

- Мой Пиноккушка, как это ты ухитрился спалить себе ноги?

– Не знаю, отец. Но клянусь вам, это была страшная ночь, которую я никогда в жизни не забуду. Гремел гром, блистали молнии, а я так хотел есть, и Говорящий Сверчок сказал мне: «Тебе будет плохо, и ты был злой и заслужил это». И тогда я сказал: «Берегись, Сверчок!», и тогда он сказал: «Ты Деревянный Человечек, и у тебя деревянная голова», и я бросил деревянный молоток в него и убил его, но он сам виноват, так как я не хотел его убить, потому что я поставил маленькую сковородку на раскалённые угли жаровни, но цыплёнок выскочил и сказал: «До свидания. Пламенный привет!» И голод всё рос, и поэтому старик в ночном колпаке высунулся в окно и сказал мне: «Становись под окно и подставь шляпу», и я с бадьёй воды на голове (разве попросить кусок хлеба – позор, а?) сразу же вернулся домой, и, так как я всё ещё был ужасно голоден, я положил ноги на жаровню, чтобы их высушить. И тогда вы вернулись, и я увидел, что они сгорели, и ног у меня больше не стало, а голод всё равно остался! У-у-у-у!..

И бедный Пиноккио заплакал и завыл так громко, что было слышно за пять километров.

Джеппетто, который из всей этой бредовой речи понял только одно, а именно что Деревянный Человечек погибает от голода, вытащил из кармана три груши, подал их Пиноккио и сказал:

– Эти три груши, собственно говоря, мой завтрак, но я охотно отдаю их тебе. Съешь их на здоровье.

– Если вы хотите, чтобы я их съел, то очистите их, пожалуйста.

– Очистить? – сказал Джеппетто, поражённый. – Я не предполагал, мой мальчик, что ты так изнежен и привередлив. Нехорошо! На этом свете нужно ещё с детства привыкать есть всё, что дают, так как неизвестно, что может случиться. А случиться может всяко!

– Допускаю, что вы правы, – прервал его Пиноккио, – но нечищенных фруктов я есть не стану. Я не выношу кожуры!

Добросердечный Джеппетто вытащил ножик, с истинно ангельским терпением очистил все три груши и положил кожуру на край стола.

Пиноккио, сожрав в два счёта первую грушу, хотел было выбросить сердцевину, но Джеппетто придержал его за руку и сказал:

– Не бросай. На этом свете всё может пригодиться.

– Неужели вы думаете, что я буду есть сердцевину?! – с ехидством змеи произнёс Деревянный Человечек.

– Кто знает! Всё возможно, – возразил Джеппетто без раздражения.

Так или иначе, но все три сердцевинки не полетели за окно, а были положены на край стола рядом с кожурой.

Пиноккио съел или, вернее, проглотил три груши, затем сладко зевнул и сказал плачущим голосом:

– Я ещё не наелся!

– Но, мой мальчик, у меня ничего больше нет.

– Неужели ничего?

– У меня остались вот только кожура и сердцевина от груш.

– Ну что ж, – сказал Пиноккио, – если ничего больше нет, я, пожалуй, съем кусочек кожуры.

И он стал жевать. Сначала скривил губы, но затем в одно мгновение уничтожил всю кожуру, а вслед за ней – сердцевину. Покончив с едой, он, довольный, погладил себя по животу и весело сказал:

– Вот теперь я себя чувствую по-настоящему хорошо!

– Видишь, – заметил Джеппетто, – я был прав, когда сказал тебе, что нельзя быть таким привередой! Мой милый, никогда нельзя знать, что с нами случится на этом свете. А случиться может всяко...

Глава 8

Джеppetто мастерит Пиноккио пару новых ног и продаёт собственную куртку, чтобы приобрести для него букварь

* * *

Не успел Деревянный Человечек утихомирить свой голод, как уже начал стонать и плакать: ему захотелось заполучить новые ноги.

Однако Джеppetто решил наказать его за проделки и полдня никак не отзывался на его плач и стоны. Наконец он сказал:

– С какой стати я буду делать тебе новые ноги? Не для того ли, чтобы ты мог снова убежать из дому?

– Я обещаю вам, – сказал Деревянный Человечек, всхлипывая, – что теперь я буду хорошим.

– Так говорят все дети, когда им хочется что-нибудь выпросить, – возразил Джеppetто.

– Я обещаю пойти в школу и прилежно учиться.

– Все дети рассказывают такие сказки, когда им хочется что-нибудь выпросить.

– Но я не такой, как все дети! Я гораздо лучше и всегда говорю правду. Я обещаю вам, отец, что я научусь ремеслу и буду утешением и подспорьем в вашей старости.

Джеppetто сделал сердитое лицо, но его глаза были полны слёз, а сердце полно жалости при виде бедного Пиноккио в таком плачевном состоянии. Поэтому он ничего больше не сказал, а взял инструмент и два кусочка хорошо просушенного дерева и ревностно принялся за работу.

Менее чем через час ноги были готовы: две стройные, сухие, жилистые ноги. Настоящий художник не мог бы сделать лучше.

Затем Джеppetто сказал Деревянному Человечку:

– Закрой глаза и спи!

И Пиноккио закрыл глаза и притворился спящим. И в то время как он притворялся спящим, Джеppetто развёл в яичной скорлупе немного столярного клея и аккуратно приклеил ему обе ноги, да так искусно, что нельзя было разобрать, в каком месте они склеены.

Как только Деревянный Человечек почувствовал, что у него снова есть ноги, он тут же вскочил со стола, где лежал до того, задрогал ногами и начал скакать и кувыркаться, словно обезумев от радости.

– В благодарность за всё, что вы для меня сделали, – сказал Пиноккио, обращаясь к своему отцу, – я хочу немедленно идти в школу.

– Прекрасно, мой мальчик!

– Но, для того чтобы я мог идти в школу, меня надо как-нибудь одеть.

Джепетто, который был беден и не имел ни одного чентезимо в кармане, смастерил для Пиноккио костюмчик из бумаги, пару ботинок из древесной коры и колпак из хлебного мякиша.

Пиноккио сразу же побежал к миске с водой, чтобы посмотреться в неё как в зеркало, и до того остался доволен своей внешностью, что воскликнул, гордый, как павлин:

– Я выгляжу, как настоящий синьор!

– Это правильно, – ответил Джепетто, – но заметь себе: не красивая одежда делает синьора, а чистая.

– Однако, – проговорил Деревянный Человечек, – я всё ещё не могу идти в школу, так как мне не хватает одной вещи, причём самой главной.

– А именно?

– У меня нет букваря.

– Ты прав. Но как нам достать букварь?

– Это довольно просто: надо пойти и купить.

– А деньги?

– У меня их нет.

– У меня тоже, – возразил старик с сокрушением.

Даже Пиноккио, бывший до сих пор довольно легкомысленным парнем, пригорюнился, ибо, когда горе является настоящим горем, оно понятно всем, даже детям.

– Эх, была не была! – вдруг воскликнул Джепетто и вскочил с места.

Затем он напялил на себя свою старую, порванную и всю перештопанную бархатную куртку и быстро вышел из дому.

Вскоре он вернулся, держа в руках букварь для сына, но куртки на нём уже не было.

Бедный старик вернулся в одной рубашке – а на улице шёл снег.

– А куртка, отец?

– Я её продал.

– Почему вы её продали?

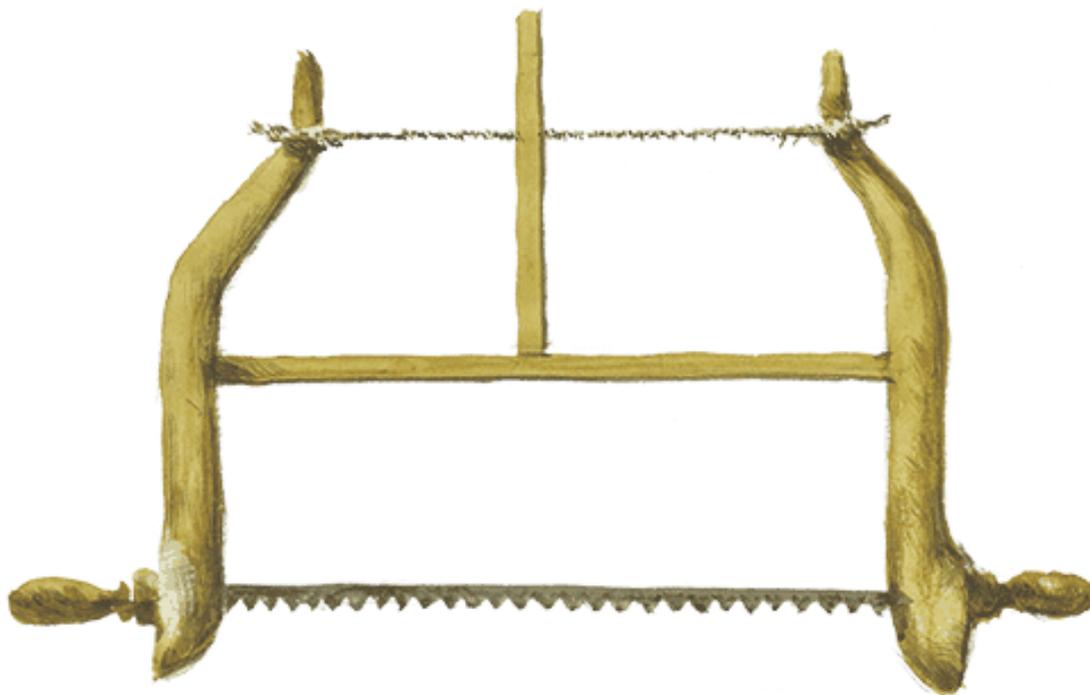
– Потому что мне жарко.

Пиноккио сразу же понял, в чём дело, и, не в силах сдержать своё буйное доброе сердце, бросился к старику на шею и обцеловал ему всё лицо.

Глава 9

Пиноккио продаёт букварь, чтобы поглядеть на кукольный театр

* * *

Как только перестал идти снег, Пиноккио взял новый букварь под мышку и пошёл в школу. По дороге в его маленькой головке пронеслись тысячи различных мыслишек и в уме он строил тысячи воздушных замков, один прекраснее другого. Он говорил себе:

– Сегодня в школе я научусь читать, завтра – писать, а послезавтра – считать. Потом я, при моей ловкости, заработаю много денег и на эти самолично заработанные деньги перво-наперво куплю красивую суконную куртку своему отцу. Да что там суконную! Для него я раздобуду куртку целиком из золота и серебра и с пуговицами из самоцветных камней. Добряк поистине заслужил это, он ведь теперь бегаёт в одной рубашке, и всё для того, чтобы я имел книжки и мог учиться. В такой холод! Есть жертвы, на которые способны только отцы!

В то время как он говорил так трогательно, ему послышались издали звуки флейт и барабанов: «Тю-тю-тю, тю-тю-тю, бум-бум-бум! Бум!»

Он остановился и прислушался. Звуки доносились оттуда, где терялась вдалеке длинная-предлинная дорога, которая вела к маленькой деревеньке на берегу моря.

– Что это за музыка? Жаль, что мне нужно идти в школу, а то бы...

В одно мгновение у него всё перевернулось в голове. Надо было решать: школа или музыка.

– Сегодня я пойду к музыке, а завтра в школу. Школа никуда не убежит, – решил наконец наш мошенник и пожал плечами.

Сказано – сделано. Он свернул на желанную дорогу и пустился по ней со всех ног. Чем дальше он бежал, тем явственнее слышал звуки флейт и барабанов: «Тю-тю-тю, тю-тю-тю, бум-бум-бум! Бум!»

Вскоре он очутился на площади, переполненной народом, толпящимся перед большим деревянным балаганом с пёстрым полотняным занавесом.

– Что это за балаган? – спросил Пиноккио у маленького деревенского мальчика.

– Читай, что написано на афише, и ты узнаешь!

– Я бы это сделал с удовольствием, но как раз сегодня я не умею читать.

– Bravo, осёл! В таком случае я тебе прочитаю. Так вот, на афише написано огненно-красными буквами:

БОЛЬШОЙ КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

– И давно уже началось представление?

– Оно как раз начинается.

– И сколько надо платить за вход?

– Четыре сольдо.

Пиноккио, пылавший от любопытства, позабыл про всякие приличия. Он бесстыдно спросил у маленького мальчика:

– Не дашь ли ты мне до завтра четыре сольдо?

– Я бы это сделал с удовольствием, – ответил тот насмешливо, – но как раз сегодня я не могу.

– За четыре сольдо я продам тебе свою курточку, – сказал Деревянный Человечек.

– А зачем мне нужна курточка из пёстрой бумаги? Стоит ей попасть под дождь, и я её больше не увижу.

– Может быть, ты купишь мои ботинки?

– Они очень хороши для растопки плиты.

– Что ты мне дашь за колпак?

– Это была бы удачная покупка! Колпак из хлебного мякиша! Мыши съедят его у меня на голове!

Куда денешься? Пиноккио прикусил язык. Он хотел было сделать последнее предложение, но ему не хватало мужества. Он колебался, медлил, вертелся туда-сюда. В конце концов он сказал:

– Дашь мне четыре сольдо за новый букварь?

– Я мальчик и не покупаю у других мальчиков, – ответил его маленький собеседник, оказавшийся гораздо более рассудительным, чем Пиноккио.

– Беру букварь за четыре сольдо! – крикнул некий старьёвщик, слышавший весь разговор.

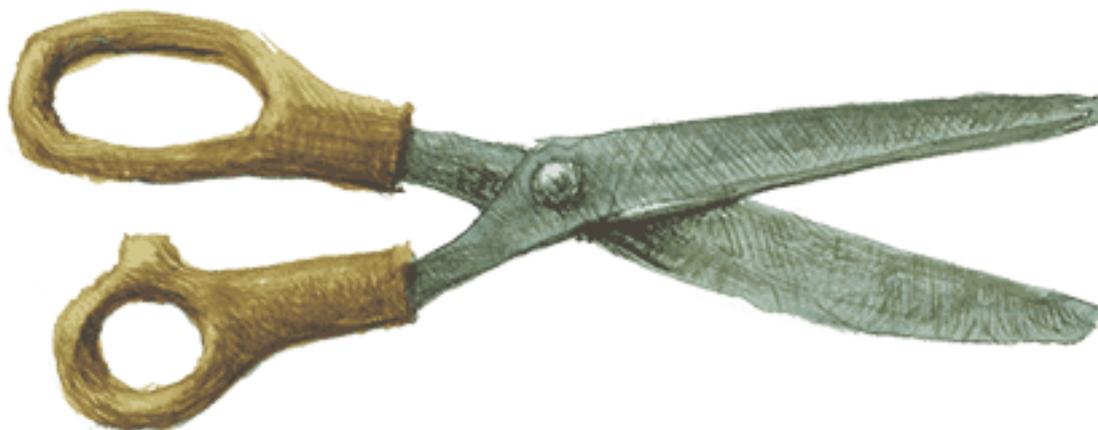
И в мгновение ока книга была продана.

Вспомните, что дома в это время бедный Джеппетто в одной рубашке дрожал от холода, ибо променял свою куртку на букварь.

Глава 10

Куклы узнают своего братца Пиноккио и устраивают ему грандиозную встречу. Но в самый торжественный момент появляется хозяин театра Манджафоко, и Пиноккио подвергается страшной опасности

* * *

Приход Пиноккио в кукольный театр вызвал чуть ли не революцию. Занавес был поднят, представление уже началось.

На сцене находились Арлекин и Пульчинелла, они ссорились и бранились и, как обычно, каждую минуту обещали друг другу парочку оплеух или порцию тумачков.

Зрители корчились от смеха, глядя на кукол, которые бранились на разные голоса так правдоподобно, словно они действительно были двумя разумными существами – людьми нашего мира.

Вдруг Арлекин прерывает представление, обращается к публике, простирает руку в глубину зрительного зала и кричит трагическим голосом:

– О силы неба! Я бодрствую или вижу сновидение? И всё-таки там, позади, Пиноккио!

– Верно, Пиноккио! – восклицает Пульчинелла.

– Да, это он! – восклицает синьора Розаура, высунув голову из-за кулис.

– Пиноккио! Пиноккио! – кричат все куклы и вприпрыжку выбегают на сцену.

– Пиноккио! Наш братец Пиноккио! Да здравствует Пиноккио!

– Пиноккио, поднимись ко мне! – кричит Арлекин. – Иди сюда и пади в объятия к своим деревянным братьям!

После этого сердечного приглашения Пиноккио делает скачок, который переносит его с задних рядов к самой сцене. Ещё один скачок – он оказывается на голове у дирижёра и оттуда прыгает на сцену.

Нельзя себе даже представить, сколько объятий, дружеских тумачков и щелчков получил Пиноккио в доказательство искреннего и нерушимого братства актёров и актрис деревянной труппы.

Это был несомненно волнующий спектакль, но зрители в зале потеряли терпение, им хотелось видеть продолжение комедии, и они стали кричать:

– Давайте комедию! Давайте комедию!

Они могли бы поберечь свои голоса, так как куклы даже и не собирались продолжать представление, а наоборот – заорали и загалдели вдвое громче, подняли Пиноккио на плечи и с триумфом поднесли к передней рампе.

Но тут появился кукольник – хозяин балагана, огромный уродливый господин, один вид которого нагонял ужас. У него была растрёпанная борода, чёрная, как чернильная клякса, и до того длинная, что доставала до земли, и он на ходу наступал на неё ногами. Рот у него был широкий, как печка, а глаза напоминали два красных стеклянных фонаря с горящими свечками внутри. В руках он держал толстенный кнут, сплетённый из змей и лисьих хвостов.

При внезапном появлении хозяина театра всё онемело. Никто не смел громко вздохнуть. Можно было услышать, как муха летит. Бедные куклы задрожали, как осиновые листья.

– Ты почему творишь беспорядок в моём театре? – спросил хозяин кукольного театра, обращаясь к Пиноккио хриплым голосом сильно простуженного людоеда.

– Верьте мне, ваша светлость, я в этом не виновен.

– Ладно, пока довольно! Сегодня вечером мы с тобой рассчитаемся.

После представления хозяин пошёл на кухню и стал готовить себе на ужин доброго барашка. Он долго и тщательно обжаривал его на вертеле. Но для того чтобы мясо стало поджаристым и хрустящим, не хватило дров, и тогда он позвал Арлекина и Пульчинеллу и приказал им:

– Давайте-ка сюда Пиноккио, который висит там на гвозде! Полагаю, что Деревянный Человечек сделан из хорошего сухого дерева и обеспечит прекрасное пламя для моего жаркого.

Арлекин и Пульчинелла заколебались было, но не смогли преодолеть страх под свирепым взглядом хозяина. Они пошли исполнять приказание и вскоре вернулись на кухню вместе с беднягой Пиноккио, который извивался, как выброшенный на песок угорь, и в отчаянии кричал:

– Отец, спаси меня! Не хочу умирать, не хочу умирать!

Глава 11

Манджафоко начинает чихать и прощает Пиноккио, который затем спасает от смерти своего друга Арлекина

* * *

Хозяин кукольного театра Манджафоко (ибо так его звали) был страшен на вид – особенно страшной казалась растрёпанная чёрная борода, покрывавшая, как щит, его грудь и ноги, – но, по сути дела, он был неплохим парнем. Когда к нему принесли несчастного Пиноккио, который отчаянно барахтался и кричал «не хочу умирать», он пожалел его. Некоторое время он боролся с чувством сострадания, но затем сдался и начал громко чихать.

Как только послышалось это чихание, Арлекин, до той поры стоявший в полном унынии и сторбившись, как плакучая ива, весь просиял, наклонился к Пиноккио и прошептал ему на ухо:

– Добрые вести, братец! Хозяин зачихал, а это значит, что он пожалел тебя, и ты теперь спасён.

Следует сказать, что, в то время как другие люди, жалея кого-нибудь, плачут или трут себе глаза, Манджафоко всякий раз, испытывая чувство жалости, начинал чихать. Это был его способ показать другим своё доброе сердце.

Начихавшись вдоволь, хозяин театра обратился к Пиноккио по-прежнему грубо:

– Перестань ныть! От твоего нытья у меня начинает болеть живот... Так колет, что я почти... почти... Апчхи! Апчхи! – И он снова дважды чихнул.

– На здоровье, – сказал Пиноккио.

– Спасибо. Твои родители ещё живы? – осведомился Манджафоко.

– Отец жив. Мать я никогда не знал.

– Как огорчился бы твой отец, если бы я бросил тебя на раскалённые угли! Бедный старик, мне его очень жаль!.. Апчхи! Апчхи! Апчхи! – И он чихнул ещё три раза.

– На здоровье, – сказал Пиноккио.

– Спасибо. Впрочем, я тоже достоин жалости. Ты же видишь, что у меня нет дров, чтобы поджарить баранину, и ты – скажу тебе по правде – очень пригодился бы мне. Но я пожалел тебя. Ну что ж! В таком случае я вместо тебя сожгу кого-нибудь из моей труппы. Эй, полицейские!

По этой команде незамедлительно появились два длинных-предлинных, тощих-претощих деревянных полицейских с обнажёнными саблями в руках.

И хозяин театра приказал им грубым голосом:

– Хватайте Арлекина, свяжите его хорошенько и бросьте в огонь. Мой барашек должен быть поджаристым и хрустящим.

Представьте себе самочувствие бедного Арлекина! Он так испугался, что ноги у него подкосились, и он грохнулся на пол.

Пиноккио, увидев эту душераздирающую сцену, упал хозяину в ноги, горько заплакал, залил слезами всю его длинную бороду и взмолился:

– Пощадите, синьор Манджафоко!

– Тут нет никаких синьоров, – ответил хозяин кукольного театра сурово.

– Пощадите, синьор кавалер!

– Тут нет никаких кавалеров.

– Пощадите, синьор командор!

– Тут нет никаких командоров.

– Пощадите, ваше превосходительство!

Услышав, что его титулуют «превосходительством», хозяин театра просиял и сразу же стал гораздо добрее и сговорчивее. Он сказал, обращаясь к Пиноккио:

– Ну, чего ты там просишь?

– Милости для бедного Арлекина.

– Тут милость неуместна. Раз я пощадил тебя, я должен бросить в огонь его, так как я хочу, чтобы мой барашек хорошо прожарился.

– В таком случае, – воскликнул Пиноккио с достоинством, высоко подняв голову и отшвырнув прочь свой колпак из хлебной корки, – в таком случае я знаю, что мне делать. Вперёд, синьоры полицейские! Вяжите меня и бросайте в пламя. Я не могу допустить, чтобы бедный Арлекин, мой добрый друг, умер вместо меня!

Эти громкие и героические слова растрогали всех присутствующих кукол. Даже полицейские, хотя они тоже были из дерева, заплакали, как два молочных ягнёнка.

Манджафоко минуту оставался твёрдым и неумолимым, но потом его тоже постепенно одолела жалость, и он начал чихать. Чихнув четыре или пять раз, он распростёр свои объятия и сказал:

– Ты превосходный парень! Иди сюда и поцелуй меня.

Пиноккио поспешно бросился к нему, взобрался, как белка, по его бороде и запечатлел сердечнейший поцелуй на кончике его носа.

– Значит, я помилован? – спросил бедный Арлекин таким тихим голоском, что его еле было слышно.

– Ты помилован, – ответил Манджафоко. Засим он добавил, вздыхая и качая головой: – Да будет так! Сегодня я, ладно уж, съем недожаренного барашка. Но в другой раз худо будет, если нечто подобное случится!

Когда куклы услышали о помиловании, они все выбежали на сцену, зажгли, словно для праздничного представления, лампы и светильники и начали плясать и прыгать. И они плясали до восхода солнца.

Глава 12

Кукольник Манджафоко дарит Пиноккио пять золотых монет, предназначенных для папаша Джеppetто, но Пиноккио поддаётся уговорам Лисы и Кота и уходит с ними

* * *

На следующий день Манджафоко отозвал Пиноккио в сторонку и спросил:

– Как зовут твоего отца?

– Джеppetто.

– Его профессия?

– Бедность.

– И много он зарабатывает?

– Как раз столько, чтобы не иметь ни единого центезимо в кармане. Достаточно сказать, что он снял с себя последнюю куртку, чтобы купить мне школьный букварь. Куртка, вся в бахроме и заплатах, была совсем изношенная.

– Горемыка, я ему почти сочувствую! Вот тебе пять золотых. Отнеси ему их немедленно и передай от меня дружеский привет.

Пиноккио, ясное дело, тысячекратно поблагодарил кукольника, обнял по очереди всех кукол трупы, включая полицейских, и счастливый-пресчастливый отправился домой.

Не пройдя, однако, и километра, он повстречал на улице лису, хромую на одну ногу, и кота, слепого на оба глаза. При ходьбе они помогали друг другу, как добрые товарищи. Слепой кот служил опорой для хромой лисы, а хромая лиса служила слепому коту поводырем.

– Добрый день, Пиноккио, – сказала Лиса и вежливо поклонилась.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – спросил Пиноккио.

- Я хорошо знаю твоего отца.
- Где ты его видела?
- Я его видела вчера, он стоял возле своего дома.
- А что он делал?
- Он был в одной рубашке и дрожал от холода.
- Бедный отец! Ничего, отныне он, слава богу, не будет больше дрожать от холода.
- Почему?
- Потому что я стал важной персоной.
- Ты – важной персоной? – насмешливо переспросила Лиса и громко захихикала.

Ухмыльнулся и Кот. А для того чтобы это осталось незамеченным, он передней лапой погладил усы.

– Тут нечего смеяться! – рассердился Пиноккио. – Мне жаль, что вам придётся издохнуть от зависти, но вот здесь, если вы что-нибудь смыслите в этих делах, пять великолепных золотых монет.

И он вынул монеты, подаренные ему хозяином кукольного театра.

Услышав сладостный звон золота, Лиса невольным движением выпрямила свою искривлённую ногу, а Кот вытаращил оба глаза, которые блеснули, как зелёные огни. Но он тут же закрыл их, так что Пиноккио ровно ничего не заметил.

– А что ты собираешься делать с этими монетами? – спросила Лиса.

– Прежде всего, – ответил Деревянный Человечек, – я куплю своему отцу красивую новую куртку, желательнее из золота и серебра, с пуговицами из самоцветных камней. А затем букварь.

– Тебе – букварь?

– Да, мне. Дело в том, что я хочу пойти в школу и прилежно учиться.

– Посмотри на меня! – сказала Лиса. – Глупое учение стоило мне одной ноги.

– Погляди на меня! – сказал Кот. – Глупое учение стоило мне обоих глаз.

В это мгновение сидевший на дереве у края дороги белый дрозд пропел свою обычную песенку и сказал:

– Пиноккио, не слушай, что тебе говорят эти отвратительные подонки, а то наплачешься!

Бедный дрозд! Лучше бы он промолчал! Кот сделал гигантский прыжок, схватил его и проглотил одним махом вместе с кожей и перьями, так что дрозд даже не успел произнести «ой».

Сожрав дрозда и облизнувшись, Кот опять закрыл глаза, представляясь слепым, как и раньше.

– Бедный дрозд! – сказал Пиноккио Коту. – Почему ты так плохо с ним обошёлся?

– Чтобы преподать ему полезный урок. Он будет знать в следующий раз, что не надо вмешиваться в разговор посторонних.

Они уже прошли полдороги, как вдруг Лиса остановилась и повернулась к Дервянному Человечку:

– Ты хочешь, чтобы у тебя стало вдвое больше золотых монет?

– Что?

– Ты хочешь из пяти несчастных цехинов сделать сто, тысячу, две тысячи?

– Ещё бы! Но как?

– Очень просто. Не ходи домой, а иди с нами, вот и всё.

– А куда вы меня поведёте?

– В страну Болванию.

Пиноккио с минуту подумал, потом сказал решительно:

– Нет, не пойду. Я уже близко от дома, и пойду домой, где меня ждёт отец. Бедный старик, наверное, страшно беспокоился обо мне вчера, когда я не вернулся домой. К сожалению, я был непослушным ребёнком, и Говорящий Сверчок был, ей-богу, прав, когда сказал: «Непослушным детям худо будет на этом свете!» Я это испытал на собственной шкуре, так как пережил много бед. Вот и вчера вечером в доме у Манджафоко я был на краю гибели... Бр-р!.. Меня и сейчас пробивает дрожь, когда я думаю об этом!

– Значит, – сказала Лиса, – ты действительно решил пойти домой? Ну что ж, иди, тем хуже для тебя!

– Тем хуже для тебя! – повторил Кот.

– Обдумай всё хорошенько, Пиноккио, ибо ты топчешь своё собственное счастье ногами.

– Ногами! – повторил Кот.

– Твои пять цехинов могли бы превратиться не сегодня завтра в две тысячи.

– В две тысячи! – повторил Кот.

– Но каким же образом? – спросил Пиноккио и от удивления широко разинул рот.

– Могу тебе это объяснить, – ответила Лиса. – Ты, вероятно, знаешь о том, что в стране Болвани имеетя некое поле, которое повсюду зовётся «Волшебным Полем». Ты выкапываешь на этом поле небольшую ямку и кладёшь в неё, к примеру, один золотой цехин. Затем засыпаешь ямку землёй, поливаешь её двумя вёдрами колодезной воды, посыпаешь щепоткой соли, а вечером спокойно ложишься в постель. Ночью цехин прорастает и цветёт, а когда ты на следующий день, после восхода солнца, приходишь в поле, – что же ты там находишь? Красивое дерево, усыпанное бесчисленными цехинами, словно тяжёлый колос в июле – зёрнами.

– Значит, – всё больше удивлялся Пиноккио, – если я на том поле закопаю мои пять цехинов, сколько же я найду наутро?

– Расчёт довольно простой, – ответила Лиса, – ты можешь сосчитать по пальцам. Скажем, каждый цехин превращается в кучу из пятисот цехинов; значит, умножь пятьсот на пять, и получается, что на следующее утро ты положишь себе в карман две тысячи пятьсот звенящих, блестящих, новёшеньких цехинов.

– Ой, как замечательно! – вскричал Пиноккио и от радости завертелся на одной ноге. – Когда я соберу эти цехины, я оставлю две тысячи себе, а остальные пятьсот подарю вам.

– Подарить нам! – возмущённо воскликнула Лиса и заключила очень обиженно: – Сохрани тебя бог от этого.

– ...бог от этого! – повторил Кот.

– Мы, – продолжала Лиса свою речь, – не трудимся презренной прибыли ради. Мы трудимся исключительно для того, чтобы обогащать других.

– ... других! – повторил Кот.

«О, какие честные господа!» – подумал Пиноккио. И в одно мгновение он забыл о своём отце, о новой куртке, о букваре, обо всех своих добрых намерениях и сказал Лисе и Коту:

– Пошли скорее! Я с вами.

Глава 13

Таверна Красного Рака

* * *

Они шли, шли и шли и к самому вечеру дошли наконец до таверны Красного Рака.

– Завернём сюда, – предложила Лиса, – чего-нибудь перекусим и отдохнём часок-другой. В полночь мы снова двинемся в путь и на рассвете будем уже на Волшебном Поле.

Они вошли в таверну и сели все трое за один стол. Но аппетита ни у кого не было.

Бедный Кот, страдавший тяжёлым расстройством желудка, смог съесть всего-навсего тридцать пять рыбок-краснобородок в томатном соусе и четыре порции требухи с сыром пармезан. А так как требуха показалась ему неважно приготовленной, он велел принести себе три порции масла и тёртого сыра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.